

Аманда Бард

**ДЕЛО 13.
ПРОКЛЯТАЯ АССИСТЕНТКА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б24

Б24 **Бард А.**
Дело 13. Проклятая ассистентка / Аманда Бард – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-521-99225-6

Циничный охотник на нечисть и девушка с проданной душой.

У них нет причин доверять друг другу. Он видит в ней ходячую проблему. Она в нём — грубого и опасного незнакомца. Но когда древнее проклятие и личная месть оказываются звеньями одной цепи, им приходится стать партнёрами. Теперь они вдвоём против города, полного монстров, магии и обмана. Он учит её выживать. Она учит его... чувствовать.

Но в мире, где за каждую услугу требуется плата, смогут ли они позволить себе самую дорогую — доверие?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99225-6

© Литнет, 2026
© А. Бард, 2026

Глава 1

Две недели отпуска, взятые «для решения наследственных вопросов», оказались на удивление тоскливыми. Офис, где Маша проводила «лучшие» годы своей жизни, терзая клавиатуру и нервы ради прихотей начальника, остался в дымчатом прошлом. А настоящее было здесь – в старом бабушкином доме, затерянном в лесах Ленинградской области, в паре часов езды от шумного Петербурга, но будто в другом измерении.

Дом был таким, каким она его помнила с детства: тёмное дерево снаружи, пахнущее смолой и влажной землёй, и причудливая смесь уюта и лёгкой безуминки внутри. Резные полки, гнутые ножки у столов, подсвечники в виде химер. Бабушка, которую Маша ласково звала Сказочницей, всегда наполняла этот дом волшебством.

Воспоминания накатывали волнами, горькими и сладкими одновременно. Маша почти не помнила свою мать – та умерла, когда ей было пять лет. Причины всегда назывались туманные: «тяжёлая болезнь», «несчастный случай». Бабушка Арина растила её одна, перебравшись из этого лесного убежища в городскую квартиру, но каждые выходные они возвращались сюда, в логово.

Именно здесь, у камина, бабушка рассказывала свои невероятные истории – не стандартные сказки про Колобка, а мрачноватые, завораживающие легенды о мирах по соседству, о существах, прячущихся в тени, о зеркалах, являющихся порталами. Маша слушала, затаив дыхание, и тогда это казалось всего лишь плодом богатой фантазии чудаковатой, но бесконечно любимой старушки.

Теперь, после её внезапной смерти, волшебство выцвело, обнажив под собой что-то тревожное. Маша вспомнила их последнюю встречу, за пару недель до того рокового звонка из морга. Бабушка, всегда такая крепкая, жизнерадостная, несмотря на свои годы, выглядела постаревшей и измотанной. Её пальцы беспокойно перебирали

край скатерти, а взгляд, обычно ясный и острый, стал затравленным, будто она постоянно кого-то высматривала в углах.

Она крепче обычного сжимала Машину руку, когда та уезжала, и прошептала странную фразу: «Помни про кулон, Машенька. Никогда не снимай. Мир тоньше, чем кажется, и в щелях живёт тьма».

Тогда Маша списала всё на старческие страхи. Теперь же эти слова отзывались в памяти зловещим эхом.

Маша взялась за уборку, как за ритуал прощания. Она вытирала пыль с замысловатых безделушек, перебирала книги с потрёпанными корешками, и с каждым днём чувствовала, как тишина в доме становится гуще, почти осязаемой. Она давила, становилась физически тяжёлой. По ночам ей чудились шорохи на чердаке – скрип половиц, будто кто-то неспешно расхаживал там в темноте. Она списывала это на старый дом, на ветер, на свои расшатанные нервы, но сон становился всё более тревожным.

И вот, её взгляд, уже в который раз, упал на люк на потолке в прихожей.

Чердак.

Всегда запёртый на большой ржавый замок.

«Там только старый хлам, солнышко, только пылью покроешься», – отговаривала её бабушка, и в её голосе проскальзывала неподдельная тревога. Сейчас замок висел открытым, болтаясь на одной петельке, будто его вскрыли в спешке. Или будто её кто-то ждал.

Сердце заколотилось глухо и тревожно, отдаваясь в висках тяжёлыми ударами. Приставив шаткую стремянку, Маша отодвинула засов и толкнула люк. Он поддался с долгим, жалостливым скрипом, обдав её волной спёртого, ледяного воздуха.

Воздуха, в котором висели не просто пыль, а запахи – сушёных трав, воска и чего-то металлического, острого, как запах крови, смешанный со сладковатым ароматом тления.

Чердак был не кладовкой. Это была мастерская.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь запылённое маленькое

круглое окно, выхватывал из мрака пугающие очертания. На грубых полках стояли ряды склянок с мутными жидкостями, где плавали смутные непонятные тени. Пучки странных растений, больше похожих на засушенных пауков или сведённые судорогой пальцы, свисали с балок, шевелясь от сквозняка, словно ещё живые.

На массивном столе, испещрённом тёмными пятнами и непонятными символами, будто выжженными раскалённым железом, лежали перья невиданных птиц, камни с вырезанными знаками, источающими лёгкое свечение, и разложенные в строгом порядке кости – слишком крупные и вытянутые, чтобы быть птичьими.

И в центре этого алхимического хаоса, будто на алтаре, лежала толстая кожаная тетрадь с потрёпанными уголками. Бабушкин дневник.

Маша подошла, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом. Её пальцы дрогнули, когда она коснулась обложки. Кожа была на удивление холодной и живой на ощупь, пульсирующей едва уловимой вибрацией. Под дневником, будто ожидая своего часа, лежал конверт из плотной, пожелтевшей бумаги. На нём – её имя. Знакомый, вычурный почерк бабушки, но буквы казались торопливыми, почти испуганными, клякса в углу напоминала след от упавшей слезы.

«Моей ненаглядной Машеньке. Только для её глаз».

Разрывая конверт, Маша почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок. Это был не просто листок. Это было письмо из могилы, последний крик из-за грани.

И с первых же строк, с обращением «Моя родная, моя единственная Машенька...», привычный мир Маши начал рушиться, как карточный домик, уступая место жуткой, незнакомой реальности, где её бабушка была не Сказочницей, а колдуньей, заключившей сделку с тьмой, последствия которой теперь приходится расхлёбывать ей.

Глава 2

«Моя родная, моя единственная Машенька.

Если ты читаешь это, значит, меня нет рядом, и ты, наконец, добралась до моего чердака. Прости меня, солнышко. Прости за все тайны, за все отговорки про «ненужный хлам». Я не могла рассказать тебе правду, я боялась. Боялась, что ты не поймёшь, что сочтёшь сумасшедшей, или, что хуже – что твой беззаботный мир рухнет под тяжестью моей глупости и того ужаса, что я за собой принесла.

Всю свою жизнь я рассказывала тебе сказки. Но самая страшная сказка, увы, оказалась правдой. И её главной героиней, и главной грешницей, была я.

Когда-то, давным-давно, я была молодой, глупой и невероятно жаждущей чуда девушкой. Реальный мир казался мне серым и тесным, клеткой без решёток. И в этом смятении я встретила Его. Не человека, Машенька. Никогда не думай, что это был человек.

Он был красивым, загадочным, знающим, но в его глазах плясали отблески чужих костров, а в тишине за его словами слышался скрежет. Он практиковал древние ритуалы, которыми щедро делился со мной, после которых у меня всё наконец получалось.

Сначала – мелочи: найти потерянное, привлечь внимание понравившегося парня. Но с каждым исполненным желанием в моей душе просыпалась жадность, пьянящая и слепая. А Он лишь усмехался и спрашивал шёпотом, пахнувшим могильным холодом: «Что ты готова отдать?»

И вот, моя мечта, моя юная, наглая, слепая мечта, переросла все границы. Мне захотелось уйти. Совсем. В другой мир, где есть настоящая магия, где летают драконы, а по лесам бродят феи. Я так хотела убежать от обыденности... и мне пообещали это. Но цена была чудовищна.

Мой первенец. Плоть от плоти моей. Мою душу они не взяли бы – она была для них слишком ничтожна.

Я в ужасе отказалась. Отдать своего, ещё не рождённого, малыша? Нет! И тогда мне предложили сделку, о которой я до сих пор не могу думать без слёз, стыда и всепоглощающего ужаса.

«Отдай дочь своей дочери», – прошипел Он, и в его словах был леденящий душу итог. И моё испуганное, одурманенное мечтами сердце дрогнуло. Я подумала: «Какая ерунда! Сколько всего может случиться, я, может, и замуж никогда не выйду!» Ах, какая же я была слепая, глупая дура! Силы, с которыми я связалась, были древнее человечества, старше звёзд, и они играли со мной, как с пешкой, сплетая нити судьбы в тугие, неразрывные узлы. Они ненавидят тех, кто пытается их обмануть.

Мне открыли путь. То самое зеркало в спальне, в раме из чёрного дерева, стало вратами. Но мир по ту сторону оказался не сказкой. Это был кошмар, воплощённый в реальность. Вечный мрак, подернутый багровым отсветом чужих лун, руины городов, опутанные плетоядными лианами, и шёпот из теней, сводящий с ума. Я была в панике, хотела бежать, но... волею судеб, а вернее – их злой насмешкой, я встретила его. Лорда Эдгара ван Холта. Банкира, одного из тех, кто строит свои империи на костях в этом мире ужаса. Он был островком порядка в этом хаосе. Я влюбилась. И родила ему дочь – твою маму, мою ненаглядную Лену.

Ужас моей сделки накрыл меня с новой силой. Я украла новорождённую дочь и сбежала сюда, в наш мир, надеясь, что граница между мирами спасёт нас. Я растила твою маму, а сама всё искала способ разорвать сделку. Я металась между мирами, умоляла, платила магам и знахарям, но все лишь разводили руками. Силы, что требовали свою дань, уже положили на нас клеймо.

И они показали, что значит пытаться их обмануть. Твоя мама... её забрали не земные болезни, Машенька. Её забрали Они. Когда ей исполнилось двадцать пять – возраст, когда я подписала тот

роковой договор, – тьма пришла за своим. Это не была обычная смерть. Это было исчезновение.

Той страшной ночью в её комнате пахло серой и мокрым пеплом, а на стене остался след, будто от прикосновения чего-то огромного и обугленного. Врачи говорили «аневризма», «внезапная смерть», но я-то знала. Я видела в её глазах перед самым концом не боль, а бездонный ужас и красный отблеск чужих очей. Это было наказание. Наказание мне за мою попытку спрятаться. Они забрали её, потому что не могли тогда забрать тебя – кулон уже был на тебе. Но они показали, что долг ещё в силе.

Этот кулон заслуга агентства «Анемона». Его владелец, суровый мужчина по имени Кассиан, с лицом, исполосованным шрамами от когтей нездешних тварей, взялся помочь. Но настоящей силой была его партнёрша, ведьма Морган. Она посмотрела на меня взглядом, в котором читались века скорби, и сказала, что полностью снять проклятие уже нельзя, но его можно отсрочить и переложить на новые условия.

Она выковала для тебя тот самый кулон. Наложила на него чары непрогляда и могучую защиту, чтобы взгляд Того, кто ждёт, не мог найти тебя в этом мире, пока ты под его сенью. Но плата... плата была ужасна. Я отдала за это остаток своих лет. Я знала, что умру ровно в шестьдесят, чувствуя, как моё время истекает, словно песок в часах. И... я согласилась. Потому что иного выхода не было. Я вернулась с кулоном и вбила тебе в голову главное правило – НИКОГДА его не снимать. Это был единственный щит, что я могла тебе дать.

Машенька, я знаю, ты помнишь ту ночь. Когда порвалась цепочка. Тот красноглазый кошмар из теней, что материализовался в углу твоей комнаты, дыша ледяным холодом и обещанием небытия... Это был не сон, родная. Это был вестник, сборщик долгов. И он сказал правду. Теперь, после моей смерти, защита ослабевает. Песок почти пересыпался. Тебе нужно прийти к ним. Самой.

Бежать навстречу опасности – это единственный шанс выжить.

Ты должна явиться в мир Тенистых Земель и найти «Агентство Анемона». Только Морган может предложить тебе новый договор и, возможно, указать способ разорвать эту связь навсегда. Всё, что тебе нужно знать о переходе, о том ужасном мире и о том, где найти деньги, которые я копила для тебя все эти годы из чувства вины, ты найдёшь в конце этого дневника.

И ещё... если что-то пойдёт не так, если тебе будет грозить настоящая, немедленная гибель, найди моего мужа, лорда Эдгара ван Холта. Скажи ему, что ты дочь его дочери. Он... он мог бы стать твоей защитой в том мире. Он силен, и его власть простирается далеко. Но помни – он живёт по жестоким законам того места, и его помощь может иметь свою цену.

Прости меня, моя девочка. Прости за свою трусость и глупость. Я обрекла на смерть твою мать и на этот ужасный путь – тебя. Нет мне прощения. Но я верю в тебя. Ты сильнее, чем кажешься. Сильнее, чем была я. В тебе есть стойкость, которую не смогли сломить ни одиночество, ни тяготы жизни. Пусть она станет твоим мечом и щитом.

Люблю тебя больше жизни. Люблю бесконечно.

Твоя бабушка, Арина.»

Мария опустила листки. Руки её дрожали. Она машинально дотронулась до старого серебряного кулона у себя на груди, который не снимала с детства. Он был холоден, как лёд. Теперь этот кулон был не просто памятью о бабушке. Это был пропуск в кошмар. И отсчёт, тикающий где-то в глубине, только что начался.

Глава 3

Конец. Конец всего.

Маша сидела на пыльном полу чердака, сжимая в окоченевших пальцах исписанные листы. Письмо лежало на коленях, безмолвное и тяжёлое, как надгробная плита. В ушах стоял оглушительный звон, заглушающий даже биение собственного сердца.

«Не может быть...» – эта мысль, тупая и навязчивая, крутилась в голове, словно заезженная пластинка.

Бабушка-колдунья. Параллельный мир. Договор с силами, у которых нет имени. Мама, убитая не болезнью, а тьмой. Всё это было похоже на самую безумную из бабушкиных сказок, ту, что рассказывалась поздно ночью у камина, чтобы потом долго не уснуть.

Но это не было сказкой.

Она машинально потянулась за кожаной тетрадью – дневником. Страницы пожелтели, чернила местами расплылись, но почерк был всё тот же – уверенный, красивый, с вычурными завитками. Только теперь Маша видела в этих завитках не романтику, а отчаянную попытку придать форму хаосу.

Она читала. Читала до тошноты, до рези в глазах. Инструкции были до жути конкретны.

Приложение к Дневнику Арины. Записи о мире Тенистых Земель и городе-крепости Ульгаррат.

Ульгаррат:

Представь Лас-Вегас, встретившийся в тёмном переулке с пражским гетто, и их ребёнка, воспитанного на готических романах и хоррорах Лавкрафта. Ульгаррат – это город контрастов, высеченный из ночи и отчаяния.

Архитектура и свет: Небоскрёбы здесь не стеклянные, а базальтовые и обсидиановые, вздымающиеся к багровому, вечно затяну-